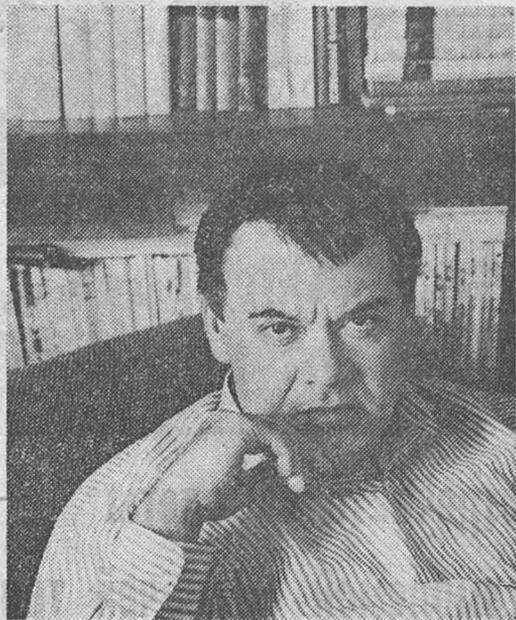

Алексей
ГЕРМАН:«Общество наше
больно, и кино — тоже»

Популко рассказана была история из давней, такой странной нашей жизни:

— Загорелась библиотека в поселке Сосново (это ведь только рукописи не горят, а библиотеки наши — еще как!). И добрым, совестливым людям — библиотекарям приказано было таскать из огня сначала книги Брежнева в бело-зеленых глянцевиных обложках, ну и других подобных же «классиков». Тем временем художественная часть фонда благополучно сгорела. В том числе и книги Юрия Германа с дарственной надписью библиотеке. К поселку имеет он отношение непосредственное: здесь его дача с давних времен.

А нынешний ее хозяин — сын писателя, известный кинорежиссер Алексей Герман. Это он снял фильмы «Мой друг Иван Лапшин», «Проверка на дорогах», «Двадцать дней без войны». Он-то и беседовал с нами.

— Алексей Георгиевич, в достопамятные годы не только известно было, какие книжки из огня первыми вытаскивать надо, но и какие вопросы в интервью задавать: «Мэтр, расскажите о вашем пути к вершинам лучшего в мире советского кино... Ваш фильм получил приз на фестивале в Москве. Трудной была борьба? Над чем вы сейчас работаете?...» А ныне? Вот вы, к примеру, не очень давно вернулись с престижного Каннского кинофестиваля, где были членом жюри. Картины столь близкого вам «Ленфильма» получают один приз за другим. Количество планов, думаем, у вас тоже не убавилось. Но говорить об этом как-то неловко. Не те времена...

— Мне и самому кажется, что разговор об успехах был бы той яркой заплатой на рубище бедняка. Хотя никаких «поддавок» на волне интереса к нашей перестройке не было: призы в Каннах получили действительно удачные советские работы. Так же как и на фестивале в Западном (тогда еще) Берлине. Но общая ситуация в нашем кино, на мой взгляд, неблагоприятна. И если меня самого, Сокурова, Мурагову она, может быть, напрямую сейчас не касается: мы успели, что называется, «всколотить в карету» — имена худо-бедно есть, на Западе наши картины знают и покупают. Но более молодых режиссеров, мечтающих выразить свое отношение к жизни, — что, собственно, и предполагает возможность сделать хороший, полнокровный фильм, — она ударяет, и пребольно.

Что же случилось в нашем доме? Навдвигается тотальная коммерциализация — слово-то какое! — советского кинематографа. Мы сейчас вообще много говорим о рынке: хвалим, ругаем, боимся и тянемся к нему. Так вот самым скверным свободным рынком окажется наше абсолютно неприспособленное к этому делу кино.

Ведь чем оно было до сих пор в государстве? А тем же, что и заводили фабрика: по плану и в срок выдавало свою продукцию. Но если мартен варил сталь, а фабрика, скажем, выпускала игрушки, то продукцией кинематографа оказывалась... реклама государства. Согласитесь, что это так! Все эти фильмы-мифы, фильмы-сказки создавали рекламу государству, представляя его в выгодном свете — таким, каким оно хотело казаться, но каким, конечно же, не было. И если режиссер плохо справлялся с этой задачей — его поправляли, если вовсе не справлялся — выгоняли. А то и просто исчезал человек из профессии, из жизни... Реклама была во всем. Даже когда режиссер ставил Чехова или Шекспира. Ведь не выдумал же Довженко разговор с Берией, который любил «наставлять»: ты что угодно делай, занимайся искусством, но вот здесь звездочку урони, здесь серпчик... Так все работало...

И вот государство от этой рекламы вдруг отказывается: рекламируйте, мол, проблемным кино, таким кино, с jakim... Но не оснащено его при этом ни заинтересованными прокатчиками, ни рекламой, ни тем, без чего не живет ни один западный кинематограф, — институтом кинозвезд. И средств не дает — зарабатывайте сами. То есть и меценатом перестает быть. А ведь было им. Да-да, душило, казнили, но ведь и заказы давали избранным и денежки... Все наши левые — Эйзенштейн, Пудовкин, Довженко — что были бы они без такой поддержки? А нынешний режиссер? Да он просто босяком по стерне пущен. И если он к тому же талантлив, то вступает в соревнование с менее способными и потому более циничными — этакими гангстерами на мотоциклах, которые всегда его будут обходить!

— Но ведь неплохая вроде идея: самим зарабатывать деньги и пускать их на развитие искусства, на кино?

— Увы, об искусстве сейчас в нашей среде мало говорят — все больше о деньгах. Да, за-

рабатывают. Снимающий режиссер получает 800—900 рублей вместо прежних 220, и это очень хорошо, но дальше — стоп! Никто ни на кого и ни на что не тратит! При такой ситуации мы будем терять талантливых режиссеров — их Запад будет отбирать, и даже, боюсь, целые студии — они запросто могут сделаться придатками иностранных кинофирм. И не как производитель фильмов, а как база, где есть дешевая массовка.

У нас на «Ленфильме» действует небольшая мастерская дебютов: приглашают молодого режиссера, помогаем советом. Даем возможность человеку неординарному, но непробивному сделать картину. А сейчас я предложил — а Союз кинематографистов СССР и Госкино поддержали меня — расширить мастерскую, приспособить ее под эксперимент в кино. Пусть человек, которого «прижимает» своя студия, своя мастерская, приезжает к нам, и если он талантлив, мы рискуем, дадим снять фильм. Иначе что же будет? Даже на Западе есть фонды, отдельные люди, которые рискуют, дают деньги на искусство. У нас же держателей свободного капитала (в нетеневой, легальной экономике) пока, похоже, нет. Трудные коллективы заражены коллективным же эгоизмом. Да и их понять можно: при нашей жизни не до меценатства. А жаль: без него настоящему искусству в условиях рынка трудно пробиться.

— Вы делаете практические шаги. Значит, вы знаете, что надо делать, чтобы изменить ситуацию в нашем кино?

— Я знаю, как помочь таланту, который, как известно, большая редкость. Знаю, как надо учить молодых режиссеров. Как когда-то учили русских художников: в России в академии, а потом в Италии стажировка. Полмира смотрит американское кино, тридцать процентов — европейское и, может быть, полпроцента — наше. И нечего стесняться, надо приближать наших ребят к истинной школе. Пусть едут в Америку, Францию, Англию, пусть видят, как делается кино, на которое ходят, которое покупают.

Это я знаю, но давать рецепты? Еще русские писатели — представители критического реализма говаривали: мы — не врачи, мы боль. И этим гораздо больше сделали для культуры, для искусства, для державы, чем если бы все бросились врачевать. Возьмем ближе. У Александра Галича есть замечательные строчки: «Не бойся хулы, не бойся чумы, не бойся мора и глада, а бойся единственного того, кто скажет — я знаю, как надо...». Примерно так...

— Но сейчас такое время, когда все жаждут пророка, который бы указал путь...

— Вот и нет такого пророка. Нашим политикам, начинающим перестройку, легче было сказать, от чего нам надо отказаться, чем дать рецепт, что выбрать. И современному кино легко было подхватить этот тезис. Помните эстетику 30—50-х годов? В кино революцию делали молодые, красивые и чисто выбранные. И на войне в кино тоже долго воевали молодые, красивые и чисто выбранные... Но для того, чтобы убедить общество, что так, как мы живем сейчас, жить нельзя, потребовалась новая эстетика — эстетика «чернухи». Когда все должно сниматься у пивных ларьков, в ужасных коммунальных квартирах... Нас убедили. Но пострадало искусство. Оно, как официант, в очередной раз исполнило социальный заказ общества и в очередной же раз перестало быть искусством. Повторилась старая истина: только свободная душа художника делает искусство свободным.

— Вы говорите о высших категориях. Но разве в массовом кино творческий потенциал режиссера не может проявиться в том, чтобы, например, найти и показать обществу его героя?

— Героя, которого нет? Десятилетиями государственная машина вытравляла в человеке личность, отправляла в тюрьму, лагерь, уничтожала физически. Сеяли доносы, подлость — порождали страх... Не герои у нас были (если не считать придуманных, киношных), а идолы, культы. Да и их уж как мы склонны возвеличивать. Но душа народа не умирает! «Чертик», запряженный глубоко, так и выпрыгнет, и кумир будет развенчан: в анекдотах ли потихоньку при его жизни, в хуле ли открытой после пышных похорон...

Американцы придумали вестерн — фильмы о сильных и мужественных первооткрывателях континента. Они и были такими, иначе им не освоить и пади земля... Или современный Рембо. Философия сериала о нем проста: вот человек, который все может выдержать, ни в огне не горит, ни в воде не тонет. А наша страна, превращенная на десятилетия в ГУЛАГ, разве могла взрастить такой характер? Да — здесь насаждалось прямо противоположное: не может быть человека, который все выдержит...

Где взять героя? Сегодняшний скепсис прошелся по всем. Не только госаппарат, чиновники пали в глазах обществу. Почти любой замаран. Возьмите полицейского за рубежом — это престиж, твердость, неподкупность. Помните случай, когда наш летчик переметнулся к американцам? Едет он по Нью-Йорку, его притормаживают, по-нашему скажут, гаишник, Славянину по укоренившейся привычке сует полста долларов полисмену и... сразу оказывается в наручниках. Уважай власть! А наш милиционер? Есть и тут замечательные ребята, но ведь не редкость и такие, кто с черной ходом в магазине колбасу берет да с женщинами и подростками в очереди за дефицитом сражается. Фильм о таком не снимешь. Но, может быть, кэббист? Проблема! Войн из Афганистана? Тоже неоднозначно...

— Нам слишком долго повторяли, что рабочий человек — истинный герой нашего времени?

— И множество лент накрутили на эту тему. Алексей Баталов, Николай Рыбников... Сколько прекрасных актеров воспевало «рабочую котлетку»! Сейчас это не пройдет. Жизнь паренька с фабричной окраины не увлечет умы миллионов. Скорее скепсис вызовет, улыбку. А почему он не пошел учиться? Лень? Способностей мало?

Но нельзя не сказать и о другом. Мы стали свидетелями подъема забастовочного движения — шахтеров, например. И тут, право, что-то есть. Ведь шахтеры — люди особые. Ежедневная встреча с опасностью обостряет в них тягу к справедливости, просто — интуицию. За кем попало они не пойдут. Многие из этих людей на глазах становятся лидерами. До героя уже недалеко. Жаль, мне не пришлось бывать в этой среде, погрузиться в нее, посперить... И все-таки многолетнее навязывание: учишься у рабочего класса, следуешь за рабочим классом — я не приемлю. Это не только ставит рабочих в неловкое положение неких избранных, что сейчас вовсе непопулярно, но и противопоставляет разные слои общества, а их давно пора консолидировать...

Одним словом, кинематограф наш болел. Но болезнь эта не причина, а следствие. Потому что ситуация в нем лишь отражает происходящее в государстве. Плохо в государстве — плохо в кино. Начнет выползать государство из экономического кризиса — начнет выползать и кино. Станем мы побогаче, появятся какие-то дотации, легче вздохнет «самое массовое из искусств». И по-прежнему останется самым массовым, а потому и самым любимым.

Беседу вели
И. МЕДВЕДЕВА,
В. НЕСТЕРЕНКО.
ЛЕНИНГРАД.

ОТ РЕДАКЦИИ. С кем еще вы хотели бы встретиться на страницах «РТ»? Ждем предложений.